

Консервативная традиция в историческом романе США XX века

Либеральное и консервативное течения политической мысли, либеральная и консервативная традиции определяли жизнь США с момента возникновения колоний. Само собой разумеется, они оказали большое влияние и на развитие художественной литературы, в первую очередь, исторического романа, в котором это размежевание присутствовало всегда. Проявилось оно и в историческом романе, посвященном Войне за независимость. Именно в нем нашли воплощение различные историографические концепции, либеральные и консервативные, относительно истенного характера Войны за независимость.

Однако еще выразительнее консервативная традиция проявила себя в историческом романе о Гражданской войне. “У нас наступает великая консервативная реакция” (1), заявил в 1863г. накануне битвы под Геттисбергом Джордж Фитцхью из Вирджинии. Первая Американская революция, доказывал он, была лишь “реформой”. Но “революция 1861г...” явилась политическим переворотом, который в конце концов потрясет мир. “Американские южане, начавшие примерно в 1830г. порывать со своим джефферсонским прошлым, воспроизвели все основные моменты аргументации европейской феодальной реакции” (2), - отмечает в книге “Либеральная традиция в Америке” Луис Харц. Их политическое мышление облекалось в термины “консервативного принципа” (понятие, принадлежащее Фитцхью), “феодального социализма” - термин Маркса, применявшего его в отношении движения “Молодая Англия”, которое оказало сильное влияние на мышление южан перед Гражданской войной. Исторический парадокс состоял в том, что “наши”, сформировавшаяся по либеральному образцу без феодализма, разрушенного этим либерализмом, бросив вдруг ему вызов начала выработать философию феодального мира, которого она никогда не знала” (3). Этот момент прекрасно отразили исторические романисты. Так, М.Шаара в романе “Ангелы-убийцы” вводит персонаж, англичанина Фриментла, находящегося в рядах армии Конфедерации в качестве военного наблюдателя Короны и прекрасно понимающего, что причина войны - во внутреннем несходстве демократического Севера, развивающегося на принципиально новой экономической, социальной и культурной основе, которую он кратко характеризует как “равенство сброда”, и Юга, возрадившего жизнь и нравы феодальной Европы: “Юг и есть Старый Свет. Они не покидали Европу. они просто пересадили ее на новое место, и из-за этого и идет война” (4). Образцы рыцарей отшедших времен, отправляющихся в новый Крестовый поход, теней прошлого, создаваемые автором для характеристики воинов-конфедератов, усиливают эту мысль и прекрасно передают ее историческую концепцию разных экономических и политических укладов, пришедших в противоречие в рамках одной страны.

Консервативная традиция в мышлении южан и подарила в последствии “южный миф”.

В великих романах, принадлежащих “южной школе”, отразилась система

консервативных ценностей южного общества, рассмотреть которую мы предлагаем, обратившись к роману У. Фолкнера, считающемуся наименее удачным, и потому нечасто обращающим на себя внимание литературоведов, роману "Непобежденные".

Значителен сам по себе импульс Фолкнера, заставивший его в конце 1936 года вернуться к циклу журнальных рассказов, писанных скорее для поправки материального положения, с целью превращения их в роман, исторический роман. В "Непобежденных" Фолкнер остался верен самому себе, своей постоянной теме - йокнапатофской саге, проблеме старого Юга в его извечной борьбе с Севером, разработке "южного мифа".

Как справедливо отметил Л.Н.Николюкин в своем всестороннем исследовании творчества Фолкнера (5), Гражданская война для писателя сохранила притягательность легенды. И для этого романа о Гражданской войне Фолкнер выбирает художественную форму, призванную подчеркнуть мифологический дух романа, нереальность описываемых в нем событий — форму авантюрного романа. События "Непобежденных" как бы приподняты над пластом реальной действительности, невозможны в суеде обычной будничной жизни.

Старая леди с достоинством отражает нашествие целого полка северян на свой дом и спасает двух подростков, спрятавшихся под ее рубкой, от расправы за нападение (вдвоем — с одним старым ружьем) на этот самый полк из засады. Джон Сарторис с двумя подростками берет в плен целый отряд северян, а затем благополучно убывает из усадьбы, занятой янки, под самым носом у противников, давно охотящегося за ним. Бабушка с двумя подростками, белым и черным, отправляется в путь по выжженному тылу северян вдогонку за головным отрядом полковника Дика, чтобы восстановить свою маленькую историческую справедливость — вернуть похищенное у нее столовое серебро, мулов и двух негров; едва спасается из реки, над которой на ее глазах взорвали мост с людьми, из водоворота тонущих людей и лошадей, добирается-таки до полковника и получает от него во много раз больше того, чем у нее отняли, а затем, честнейшая женщина, считающая ложь одним из самых страшных грехов перед Богом, подделывает бланки приказов Армии Севера и совершает с ними многочисленные рейды в лагерь северян, передавая деньги наиболее нуждающимся окрестным фермерам. Двое пятнадцатилетних подростков отправляются вдогонку за бандой, терроризирующей край, настигают ее через месяцы неустанных преследований и убивают ее главаря, мстя за смерть бабушки. Юная девушка из аристократического семейства, жениха которой убило на войне, бежит из дома, присоединяется к отряду южан и в течение года воюет вместе с ними, самым естественным (для нее) образом забывая в день свадьбы обручиться с женихом, потому что для обоих самое главное — сорвать федеральные выборы.

Роман проникнут духом несмирения с поражением, пафосом духовной силы, стойкости и непокорства южан перед лицом грядущей, а затем и свершившейся катастрофы. Его персонажи сродни другим героям писателя, представляют еще одну вариацию его типологического героя, не принимающего поражения, даже когда оно очевидно, продолжающего борьбу и часто — неожиданно для всех противостоящих ему сил Вселенной — выходящего из этого противоборства победителем. Таковы Джон Сарторис, несдавшийся защитник Старого Юга, мечтающий возродить его, повернуть историю вспять. Роза Миллард, старая южная леди, способная на ложь,

подлог, мошенничество ради спасения не только собственного внука и его чернокожего молочного брага, но и края в целом; Друзилла, Ринго, Бак Маккаслин и даже, по-своему, джефферсоновские леди, готовые на все ради восстановления приличий и норм жизни Старого Юга. Не хотят они принимать в расчет того, что война, перевернувшая судьбу края, опустошила и изменила души людей, что Друзилла, потерявшая жениха, сбежавшая во исполнение святой мести на войну и год прослужившая простым солдатом в отряде Джона Сарториса, уж и не женщина больше, а солдат — ничего женского не осталось в ее душе. Для них она — только молодая девушка, живущая в доме мужчины-родственника, и, значит, единственное, что может восстановить ее доброе имя и честь ее семейства — брак с ним. Недаром Фолкнер сравнивает их с бойцами отряда Сарториса — они тоже, по-своему, сражаются против пришельцев с Севера и новых нравственно-правовых норм, принесенных ими.

Символом и высшим выражением этого духа несломленного сопротивления, несмирения с поражением становится в романе поединок двух паровозов - паровоза южан, осуществляющего бросок через занятую врагом территорию к линии фронта, и догоняющего, но так и не догнавшего его паровоза северян. Никакой стратегической военной цели этот пробег не преследовал. Даже успешный проход сотни многовагонных составов не смог бы улучшить положение, изменить развязку борьбы, замечает Фолкнер. "Тут замышлялся как бы поединок двух железных стародавних рыцарей, не военного успеха ради, а из принципа — честь против чести, храбрость против храбрости, — не для материальной цели, а подвиг ради подвига — последней решительное испытание духа, доказующее лишь финальность смерти и тщету всякого усилия..." (6). И значение его в том, что оно живо, "покуда живы побежденные или потомки побежденных, чтобы поведать, чтобы выслушать"(7).

На первый взгляд кажется, что Фолкнер в своем романе разрабатывает тезисы "южного мифа" о благородстве и утонченности южных джентльменов и о едином гармоничном сообществе белых и черных, которое являл собой довоенный Юг. Более пристальное прочтение романа позволяет увидеть истинный смысл, которым наполнены привычные стереотипы, превращающий их в собственных антиподов. Благородство, честность, душевная утонченность, по Фолкнеру, не являются неотъемлемыми качествами южан, так же, как и бездушие, прагматизм, алчность и жестокость не обязательно отличают пришельцев с Севера. Лучшими нравственными качествами обладает полковник армии Севера Дик, пожалевший не только двух подростков, напавших на его отряд из засады, но и их бабушку, старую леди, вынужденную лгать во имя спасения детей, помогающий ей сохранить чувство собственного достоинства, а впоследствии многократно компенсировавший ей материальные потери, нанесенные войной. Многочисленные рейды Розы Миллард по военным лагерям и конфискация ею по подложным ордерам мулов армии Севера принесли ей разве что малоприятное столкновение с лейтенантом-янки; пасть же ей было суждено от руки разбойника-южанина, промышлявшего разбоем и грабежами своих соотечественников и не погнушавшегося убийством старой леди. Да и Эб Сноупс, готовый продать кого угодно за деньги, ставший причиной смерти Розы Миллард — южанин, подвизавшийся одно время при войске конфедератов. Однако наиболее четко оппозиция "южному мифу" выражена в последней главе романа — "Запах вербены", имеющей особое идейно-

композиционное значение в структуре романа. "Запах вербены" была написана Фолкнером летом 1937 года, после того, как разрозненные новеллы, составившие "Непобежденных", были переработаны им в роман, и, значит, была необходима писателю для придания смысловой и идейной целостности его роману. Она дает возможность переосмысления ценности и красоты идеалов, за которые боролись южане и которые и помогли им остаться "непобежденными". В этой новелле главным героем становится Баярд Сарторис, от лица которого ведется повествование в романе. Выросший Баярд, семь лет назад яростно преследовавший Грамби, убивший его и изуродовавший его труп, приколотивший правую руку убийцы к кресту на могиле бабушки, переосмысливает подвиги своего отца и его намерение возродить Юг. потому что во исполнение своей грезы отец пролил слишком много крови. Друзилла, ставшая женой его отца и полностью разделяющая взгляды мужа, пытается объяснить Баярду, что "греза — вещь для окружающих небезопасная... Она как заряженный револьвер на боевом взводе: рано или поздно выстрелит и кого-нибудь да заденет. Но настоящая греза стоит того. Не так уж много грез на свете, а народу хватает. Одним или дюжиной меньше..."(8). Но Баярд уже не может примириться с такой ценой, заплаченной за туманное будущее "счастье" края. И когда его отца убивает постоянно оскорбляемый им бывший компаньон, а кодекс чести южного джентльмена требует от сына убийства убийцы, Баярд предпочитает убийству потерю любимой женщины и риск быть убитым. Приведя своего героя к осуждению насилия, к отказу от него как средства решения проблем, в том числе и политических, Фолкнер своим романом внес вклад в разработку одной из центральных тем американской литературы XX века — темы осуждения ортодоксальной идеи, требующей для своего воплощения человеческие жертвы, темы неприятия насилия над личностью, приоритета и первостепенной ценности человеческой жизни и свободы.

Характеры негров, изображенные в романе, вроде бы в основном соответствуют стереотипам "южного мифа". Но не все. Историзм Фолкнера как автора исторического романа и проявился в выявлении исторически верной тенденции развития событий исторического процесса, которой подчинено изображение описанного в романе. Дух неминуемого поражения, обреченности Юга проникает весь роман, возникает в первых же строчках его, рассказывающих о том, как два подростка самолюбиво разыгрывают Виксбергскую битву, неукоснительно исполняют "обряд яростного и победоносного сражения, отгородясь им, точно занавесом и щитом, от роковой реальности, от факта"(9). Фолкнер указывает и на причины, предопределившие поражение Юга, его изначальную нравственную неправоту в столкновении с Севером, заключающуюся в системе рабства. Так на первых же страницах романа рядом с образами негров, неотъемлемо, душой и телом, принадлежащих Сарторисам: Ринго, называющего белую хозяйку бабушкой, Лувинии, Джоби, возникает образ Луша, который уходит в поисках свободы с отрядом янки, яростно крича при этом: "Меня освободили. Я больше не принадлежу Джону Сарторису; я принадлежу себе и Богу... А бог его спросит, кто ему дал право меня подневолить" (10). Символом порыва негров к свободе, "тяги, уже бурно охватившей его народ, — этот порыв безотчетный и темный... и влекущий вслед за иллюзией, грезой, яркой и расплывчато-неясной" (11), стал в романе поток негров, устремляющихся к реке в поисках библейского Иордана, за которым - обещанная свобода; поток людей, отравленных наркотиком свободы, в полурелигиозном трансе

не замечающих потери жен. детей, стариков-родителей по мере движения потока, голода, объятых одним желанием -- добиться свободы, готовых погибнуть в реке на пути к ней.

Неоконсерватизм оказал заметное влияние на исторический роман США 70-х годов, в частности, на исторический роман об американском Sure, результатом чего явилась новая, более реакционная интерпретация "южного мифа", примером подобного исторического романа может служить "Земля обетованная" Л.Коулмена. Авторская концепция южного общества - это концепция общества социально однородного, белые и черные члены которого живут одной семьей, равные перед законом, юридическим и нравственным, объединенные нерасторжимым духовным единством.

Созданный по эстетическим канонам массовой литературы, роман Коулмена является не только -двойником, но и полемизирует с историческим романом М.Митчел "Унесенные ветром". Это полемическое противостояние распространяется как на тематику, так и на систему образов, сферу идей романа Митчел. В "земле обетованной" пародируются такие элементы "южного мифа", нашедшие художественное воплощение в романе Митчел, как образы южного джентльмена, гордой южной красавицы. Скарлет О'Харре, в жизненной драме которой Митчел исторически верно отразила тенденцию социального расслоения старого южного дворянства и выделения из его среды "новых людей", противопоставляет негр Роско Элк, отвратительный прообраз человека буржуазной формации, в котором, по мысли Коулмена, и заключена подлинная угроза старому Югу.

Как бы то ни было, консервативная традиция в американской литературе важна тем, что создала великие произведения, утверждавшие эти самые консервативные ценности, и еще тем, что составляла оппозицию и втягивала в исторический, культурный диалог либерализм. Как метко заметил Л. Харц икак мы сами убедились на сходном историческом опыте: "знать только либерализм и ничего больше - значит создать такой настрой в умах, который в конце концов приведет к самопоражению" (13).

1. Луис Харц Либеральная традиция в Америке. М.: "Прогресс-академия", 1993, с.137.
2. Там же, с.138.
3. Там же, с.141.
4. Shaara M. The Killer Angels. - N.Y., 1974, p.93.
5. Николюкин А.Н. Человек : Реализм Фолкнера. М.: 1888.
6. Фолкнер У. Собр. соч. в 3 т. + Т.3. - М.: 1986, с.67.
7. Там же, с. 68.
8. Там же, с. 148.
9. Там же, с. 7.
10. Там же, с. 52.
11. Там же, с. 56.
12. Там же, с. 71.
13. Там же, с. 162.